

К ВОЗМОЖНОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Зденька Трестерова

К универсальным приемам лингвистических исследований всегда принадлежал метод сравнения, сопоставления. Начиная с антики, философы и филологи, на языковом материале греческого и латинского, проникали в суть языковых явлений именно при помощи сопоставления. На сознательном, иногда подсознательном сравнении с классическими языками было основано почти все средневековое языкознание. В славянском мире области *Slavia Orthodoxa* в роли языка-эталона выступал церковнославянский язык, в чешской филологической науке эпохи национального возрождения немецкий язык.¹

Однако прием сравнения выполнял часто только иллюстративную функцию, в нем было много случайного. Сравнились лишь отдельные явления, часто оторванные от системных отношений, в которые они вступали в данных языках.

Исключительно на раскрытие исторических фактов ориентировалось применение сравнительно-исторического метода, являющегося совокупностью исследовательских приемов, направленных на решение следующих задач: 1) установление генетического родства между языками определенного ареала; 2) объяснение генетической общности на основе постулата происхождения языков из общего источника, праязыка; 3) объяснение причин и условий распада праязыка; 4) вскрытие и объяснение закономерностей эволюции группы родственных языков.² Этот метод был характерен прежде всего для 19 века, в 20 веке подвергся пересмотру и дополнению (напр., прием внутренней реконструкции, синхронного среза в диахронии).

¹ Ср., напр., *Štěpánek, V.: Z dějin obrozenské literatury*, Praha 1988, kap. Dobrovský a Gottsched (K významu jazykové teorie Dobrovského), s. 9-20. Dále: *Jedlička, A.: Josef Dobrovský a mluvnická norma spisovné češtiny*, in: Pocta Josefu Dobrovskému, AUPO, FPh XXVII, 1982, s. 15-19.

² Ср. Русский язык, Энциклопедия, ред. Ф. П. Филин, Москва 1979, с. 327.

20 век вообще, развивая идеи Соссюра в структуралистских учениях различных школ и направлений, акцентировал сопоставление синхронных языковых систем, причем понятие синхронный в данном понимании соответствует понятию современный (в отличие от синхронного среза в диахронии).

Положение до определенной степени осложнилось еще тогда, когда стала развиваться как особая отрасль науки о языке теория литературных языков (заслуга Пражской школы здесь налицо). Как известно, в формировании литературных языков принимают активное и сознательное участие ученые-филологи, писатели (ср. "пражское" понятие *хорошего автора*), но и определенная культурно-историческая и политическая обстановка. За развитием нормы литературного языка следят и стараются определить тенденции ее развития не только в отношении к прошлому, но и к будущему, существует так называемое языковое планирование. Однако многие явления в этой области противоречивы, поэтому результаты исследований неоднозначны. Метод "директивных указаний" изжился не только в управлении обществом, но и в отношении языка. Даже в такой его отрасли, как орфография, которая по своему существу требует всеми признаваемых и соблюдаемых правил. (Ср. разногласия насчет современной чешской орфографии). К сказанному добавляется ныне общий философский подход "постмодернизма", расшатывающий целенамеренно все истины и преферирующий индивидуальный подход к проблемам и их нестандартное решение.

Какой - в данной научной обстановке (оставляя за бортом политическую ситуацию) - прогноз перспектив сопоставительного изучения чешского и русского языков?

И вообще: сравнение и сопоставление - это одно и то же самое? Или сопоставление предполагает большую меру системности? Или сопоставление касается только тех явлений, которые в контрасте? Ведь существует, напр., болгарский журнал с тремя названиями: *Сопоставително езикознание*, *Сопоставително языкознание*, *Contrastive Linguistics* (основанный в 1978 г.). Иногда различается конфронтационная и контрастивная лингвистика.

И еще: о сопоставлении чего идет речь?

- 1) О сопоставлении "отвлеченных" языковых систем? (без учета различий литературного языка и "языка вообще"? И существует ли "язык вообще"?)
- 2) О сопоставлении отдельных конкретных языковых явлений?
- 3) О сопоставлении двух литературных языков, или к тому же тенденций их развития?

ад 1) В области сопоставления языковых систем чешского и русского много было сделано в течение последних сорока пяти лет.³ Думается, при этом сопоставлении имплицитно все-таки имелись в виду системы литературных языков. Ведь если авторитетные русские ученые (Земская и кол.) утверждают, что надо противопоставлять русский кодифицированный литературный язык русской разговорной речи как одну систему с только ей присущей нормой другой системе с отличающейся нормой, то при сопоставлении надо выбирать, с чем сопоставляю. Как сложен этот вопрос, об этом свидетельствует неодинаковый подход чешских и русских ученых, нашедший свое выражение, напр., в статье *Барнета, Вл.: Jaký je lingvistický status hovorové ruštiny?*, *Československá rusistika XV, 1970, 78-82.*

Насчет сравнения языковой системы двух близкородственных славянских языков, чешского и русского, в литературе утверждается, что "грамматические системы таких близкородственных языков, как чешский и русский, различаются не столько инвентарем грамматических форм, сколько сферой их употребления, спецификой функционирования и дистрибуции."⁴

ад 2) Из сказанного вытекает, что более перспективным и более содержательным представляется сопоставление более узких, избранных проблем, выбор которых подсказывается и языковой практикой (действие интерференции). Так, напр., мне лично кажется очень полезной работа, проделанная П. Адамецом в области сопоставления русских и чешских частиц и местоимений. В области избранных проблем, наверно, новые исследования будут приносить всегда новые и даже неожиданные результаты, как, напр., статья *Новаковой, З.: Kategória čísla slovesných podstatných mien v ruskom i slovenskom texte,*⁵ где автор на убеждающем языковом материале показывает, что вопреки утверждению грамматик у отглагольных имен существительных, хотя они отвлеченные, преобладают в русском формы мн. ч. по сравнению с словацким (и чешским также): *Nechtěl*

³ Кроме всего другого ср. *Русская грамматика, Praha 1979* и публикации *Konfrontačné štúdium ruské a české gramatiky a slovní zásoby I, Praha 1974; Konfrontačné štúdium ruské a české gramatiky... II, Praha 1983*; в русском варианте *Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками*, под ред. А. Г. Широковой и Вл. Грабье, Изд. МУ, Москва 1983.

⁴ *Петрухина, Е. В.: Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским*, оп. ц. в сноске 3, с. 152.

⁵ *Nováková, Z.: Kategória čísla slovesných podstatných mien v ruskom i slovenskom texte, Universitas Comeniana, Philologica, Zborník filozofickej fakulty XXXIX, 1989, Bratislava 1992, s. 85-98.*

jsem vzbudit *podezření* - Мне не хотелось возбуждать *подозрений*; *Vzdal se toulání po světě* - Он бросил свои *скитания* по белу свету; *proti vlastnímu přesvědčení a přání* - против собственных *убеждений* и *желаний* и т. д.

ад 3) Сопоставлять тенденции развития чешского и русского литературных языков заманчиво. Насколько реально, это другое дело. Русский язык советской эпохи подвергался тщательным исследованиям,⁶ из которых, в общем, вытекало, что основной тенденцией его развития является демократизация. Однако - стоит взять в руки любую газету того времени, чтобы убедиться в том, что язык был довольно напыщенный, высокопарный, выпендренный (как любил говорить проф. Мразек). И вместе с тем довольно однообразный, бедный. Клише, устойчивые обороты в духе лозунга "Москва - третий Рим" (все еще, и в советское время). Потерялась легкость и красота, осталась вычурность. Язык был скорее стандартным, чем литературным в собственном смысле слова - хотя художественной литературы в ее лучших образцах это, к счастью, не коснулось. Но народ был заглушен языком средств массовой информации и именно такой язык преобладал в быте.

Чешский язык этого времени в худших своих проявлениях приспособился. Так что суть руссификации чешского проявлялась не столько в отдельных словах и формах, сколько в общем характере "духа" языка (что связано, разумеется, и с содержанием - всякие обороты типа "борьба за мир" и т. д.).

В наши дни - и русский и чешский подвергаются воздействию английского. В отдельных случаях кажется, что русский даже в большей степени. Ср., напр., калькированный из английского Board of directors *совет директоров*, где чешский имеет *správní rada*. Появляются сленговые слова из английского: *велферидж* - эмигрант, получающий пособие; *тенж* - десять долларов, из англ. ten dollars (Московские новости 14 ноября 1993 г., с. 10). Норма литературного словоупотребления вообще расшатывается, именно в язык газеты попадают слова разговорной речи и сленга (*иномарка* - машина иностранной марки), универбы, образованные ad hoc (*колючка* - колючая проволока, *сопроводиловка* - вложенная инструкция), в меньшей мере диалектизмы, или слова "городские". Общее впечатление от этого - язык обновляется, в нем кончился период застоя. Как всегда в переходное время, нормы расшатаны. Далее. Русский литературный язык стал более проницаем для конструкций, типичных для норм русской разговорной речи - напр., в области

⁶ Ср., напр., Русский язык и советское общество, Социолого-лингвистическое исследование, под ред. М. В. Панова, Москва 1968; Граудина, Л. К.: Вопросы нормализации русского языка, Грамматика и варианты, Москва 1980 и т. д.

порядка слов. Если раньше утверждалось, что в кодифицированном литературном языке речь идет скорее о "порядке блоков слов", чем о порядке отдельных слов, который более свободен в русской разговорной речи, то теперь эта большая свобода становится характерной и для русского литературного кодифицированного языка. Появляются и просторечные морфологические формы, я зарегистрировала пример "Англичане ружей кирпичом не чистют" с -ют.

В современном чешском или такие явления встречаются реже, или я их - как носитель языка - не замечаю. Однако, многое зависит от источника. Если остаться у языка "на газетной полосе", то языковой феномен *obecná čeština* типичен для некоторых журналистов и для определенных рубрик журналов. Напр., в журнале *Mladý svět* для автора *Zajíce* и его рубрики "Общество": *Stále ještě pořád nežije společenský život na plně obrátky, ale troufám si tvrdit, že letní krizi máme, my odborníci společenských rubrik, za sebou. V týdnu věděl jsem pouze o jednom mejdanu ve velkém divadle na počest premiéry muzikálu, o kterém píší všechny sdělováky včetně našeho. ...*" MS XXXVI, 1994, 34, s. 62.

В текстах такого типа чередуются формы книжные с разговорными, применяется индивидуальный порядок слов и т. д. Думается, это связано с идеей, что в постмодерное время все позволено, и это новый прием актуализации текста. Насколько можно этот феномен сравнивать с ситуацией в русском, я затрудняюсь сказать. Этот вопрос соотносится с неодинаковым и не соответствующим друг другу распределением идиом *spisovná čeština* - *obecná čeština* x кодифицированный русский литературный язык - русская разговорная речь - просторечие.

Однако Русская грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина, Изд. 2-е, исправленное, Москва 1990 в разделе Порядок слов в словосочетаниях (с. 507-и сл.) приводит много случаев, когда обыкловенный порядок слов нарушается и в кодифицированном русском языке (примеры приводятся из классической литературы). Так, напр., в группе "согласованное определение + имя существительное" перечисляются следующие случаи с постпозицией: Прилагательное следует за существительным при стремлении выделить признак. Информативная значимость прилагательного усиливается и в тех случаях, когда определяемое имя известно из контекста и тем самым, информативно ослаблено. Информативно нагруженное постпозитивное прилагательное нередко становится ремой предложения в целом. Прилагательное в постпозиции, обозначающее качественный признак при таком существительном, которое обладает информативной полнотой, служит для выражения дополнительного сообщения. Постпозиция подчеркивает прилагательное при противопоставлении признаков. Постпозиция прилагательного нормальна в терминах при классификации разновидностей объектов, входящих в общий класс. Постпозиция прилагательного может иметь поэтическую, народно-поэтическую или разговорную окраску. При интонационном выделении существительного постпозиция прилагательного служит для имитации разговорной речи.

Итак, в заключение встает более общий вопрос о *tertium comparationis*. По Вл. Барнету "в современной сопоставительной лингвистике *tertium comparationis* чаще всего выделяется на основе логикосодержательных категорий, на основе функционально-семантических категорий, грамматических категориальных значений, языковых моделей, или же на базе естественного языка, избранного в качестве общего знаменателя конфронтации."⁸ Выбор зависит от конкретных условий и цели исследования.

Даю себе отчет в том, что мой доклад поставил больше вопросов, чем дал ответов. Несмотря на это считаю перспективным не только сравнительно-сопоставительное изучение частных языковых фактов, но и сравнительно-сопоставительный анализ тенденций развития современных русского и чешского литературных языков. Разумеется, при условии накопления достаточного количества языкового материала из обоих сравниваемых языков. Известный русский ученый К. С. Горбачевич в статье, предназначенной для читателей-неспециалистов, в свое время писал: "Прогнозирование развития языка, установление продуктивных тенденций и наиболее перспективных форм выражения в будущем - это не гимнастика ума, не отвлеченная схоластика, а живое, нужное дело, подсказываемое самой практикой. В то же время прогнозы в области языка - дело необычайно трудное."⁹ Эти слова были сказаны более чем 10 лет тому назад. Однако сегодня, в совсем другой обстановке, они не потеряли своего значения.

И мне думается, что и в будущем так же перспективно и не потеряет своего значения сопоставительное изучение тенденций развития норм чешского и русского литературных языков, как на пользу науке, так и на пользу практике.

⁸ Барнет, Вл.: К проблеме языковой эквивалентности при сравнении, посл. оп. ц. в списке 3, с. 21.

⁹ Горбачевич, К. С.: Дано ли нам предугадать..., статья в газете Ленинградская Правда, 2 апреля 1983.